

DOI 10.15826/vopr_onom.2021.18.2.017
УДК 811.161.1'373.231 + 811-112.4 +
+ 929.52 Тургеневы + 27-36

А. Ф. Литвина
Ф. Б. Успенский
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ)
Москва, Россия

ПАРТИМОФЕЙ ТУРГЕНЕВ И ЕГО СТРАННОЕ ИМЯ*

В настоящей работе рассматривается нетривиальный случай выбора и функционирования имени одного из представителей рода Тургеневых, жившего в XVII столетии. Этот частный казус позволяет обратить внимание на некоторые общие процессы эволюции русской ономастики, совершившиеся в эпоху первых Романовых на престоле и в раннее Петровское время. Мы видим, как религиозно-культурная ориентация самодержцев влияет сначала на их ближайшее окружение, а затем и на общество в целом, причем традиция выбора имени до определенной степени отражает магистральные тенденции эпохи, а в некоторых аспектах остается явлением самобытным, развивающимся по собственным, внутренним принципам. В фокусе внимания оказывается ряд экзотических и/или искусственно сконструированных антропонимов, которые до поры до времени могли фигурировать как монашеские или крестильные, но редко проникали в сугубо светские документы. Их появление в повседневном обиходе становится одним из первых симптомов общей перестройки системы полиномии, когда у одного человека за жизнь могло накопиться до четырех-пяти личных именовании, христианских и нехристианских, мирских и монашеских. Помимо всего прочего, в работе продемонстрировано, что оказавшееся в центре нашего внимания имя *Партимофей (Портимофей)* могло быть

* Статья подготовлена по результатам проекта «Древняя Русь и Петровская эпоха в рукописях: комментированное чтение и издание текстов» при поддержке фонда «Гуманитарные исследования» ФГН НИУ «Высшая школа экономики» в 2021 г.

© Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., 2021

образовано по двум разным моделям, причем существование двух равновероятных гипотез относительно этого имени порождено не какой-то исследовательской нерешительностью, а спецификой того переходного этапа, когда на первый план выходили решения, к которым самая традиция еще не приспособилась. В ту пору составители светских документов вдруг столкнулись с необходимостью заносить в текст непривычные, прежде чуждые мирской повседневности имена, и форма *Партимофей* оказалась причудливым результатом освоения неосвоенного.

Ключевые слова: историческая ономастика, средневековая Русь, многоименность, месяцесловная традиция, имянаречение в допетровской Руси, культ святых, светская христианская двуименность, личные небесные покровители, род Тургеневых.

— Я хороших кровей, — говорит про себя коновал Липат. <...> Зовут его, конечно, не Липатом, но Ипат — это мужикам, да и ему самому, не нравится. Отца его звали так же, как деда, — Борисом. Он уверяет, что нет такого имени — Борис, а есть Борисоглеб, что был в старину святой, благоверный князь-однодворец, носивший это имя, и что далеко не всякий мужик достоин быть тезкой Борисоглеба.

— И меня обязательно надо было так же назвать.

И. А. Бунин. Хороших кровей

В этой работе мы хотели бы посмотреть, что способны дать общие представления о системе имянаречения на Руси для интерпретации одного конкретного «странного» имени и, с другой стороны, что одно «странное» имя дает для понимания истории русской антропонимики в целом.

В обширном и разветвленном роду Тургеневых во второй половине XVII в. обнаруживается человек, судьба которого была сколь выразительна и разнообразна, столь и типична для своей эпохи. Благодаря тому что его жизненный путь был довольно извилист и связан с разнообразными сферами деятельности, он — не будучи лицом ни особенно знатным, ни особенно знаменитым — упоминается в целом ряде разнородных документов.

В 1660-е и начале 1670-х, в годы правления Алексея Михайловича, мы застаем нашего героя сокольником, причем сокольником, по всей видимости, дворцовым, поскольку в силу своих профессиональных обязанностей он входит в состав посольства Федора Милославского в Персию, к шаху Аббасу II (1662–1664), и исполняет последовательные инструкции относительно того, как надлежит преподносить даримых ловчих птиц.

После смерти Алексея Михайловича карьера Тургенева претерпевает значительные изменения. Во время событий 1682 г. мы видим его в числе московских стряпчих [Буганов, Савич, 1976, 141], а из других документов узнаем, что с 1679 г. у него шла тяжба, связанная с неуплаченными долгами Леонтия Андреевича Шакловитого, отца знаменитого дьяка Федора Шакловитого [Описание, 16, 129, № 875]. Летом 1684 г. наш Тургенев участвует в некоем деле о даче на поруки в явке на срок к суду [АЮ, 1, 582–584, № 89], в 1687 г. он вовлечен в еще одну тяжбу, связанную со спором о беглых холопах [Там же, 25–26, № 15]. Заметно позже, в 1698–1699 гг., он оказывается потерпевшей стороной в деле о нанесении побоев [Описание, 17, 238, № 2207], причем в ту пору Тургенев занимает должность объезжего головы и характеризуется как дворянин. Несколько ранее же ему довелось побывать пошехонским воеводой, правда, относительно этой части его биографии источники донесли до нас лишь события весьма для него неприятные — в 1691 г. против него инициировали сыск пошехонские помещики [Лаптева, 2010, 466].

Однако самое примечательное в нашем герое — не его собираемая по крупянам биография, а имя, под которым — с небольшими вариациями — он фигурирует во всех этих источниках.

В описании посольства к шаху Аббасу мы застаем его еще на второстепенных ролях среди тех, кто имеет дело с птицами:

Бхати къ шахову величеству передь великими послами въ новыхъ подаркахъ, передь первымъ начальнымъ передь Парѣнтъемъ Тоболинымъ. *Портимовей Тургенева*, вѣсть на торелкѣ и на стоянцѣ, 3 клобучки съ совками <...> Будеть шахово величество пожалуетъ позоветь къ рукѣ и имь къ руке итить по сей росписи: Парѣней Тоболинъ, Иванъ Ярышкинъ, Андрѣй Кельинъ Семень Отдаветовъ, Дориментъ Даниловъ, Каріонъ Исаевъ, Кирило Мословъ, Романъ Чернцовъ, Власъ Лабутинъ, *Портимовей Тургенева*, Рамиль Рамейковъ, Сидоръ Кѣльинъ, Кузма Карповъ, Тимолай Поляниновъ, Семень Ляховъ, Устинъ Нѣмчиновъ <...> А за ними несть свою рукавицу Роману Чернцову въ рукѣ безъ тафты, *Партумовей* велѣтъ итить позади ихъ порозжему <...> А къ полатѣ пришедчи, рукавицу, которая съ ярлыкомъ, снятъ и отдать *Партумовей* и велѣтъ ему спрятать за рукавъ, чтобъ ее было не видѣтъ и велѣтъ ему итить въ указномъ мѣстѣ назади и какъ въ полату позовуть. И перво велѣтъ итить передь собою вмѣстѣ и несть торелка съ рукавицами <...> А передь собою велѣтъ бхатъ 2 человекомъ Власу да *Партумовей* по прежнему [Ламанский, 1861, 363–364, 366, 368; ср. также: Кутепов, 1898, 289–293].

В дальнейшем его карьера при дворе получает некоторое развитие, и в 1670-е гг. он характеризуется как собственно сокольник («...сокольники *Партимовей Тургенева* да Картелей Рудневъ» [Шумаков, 1904, 96]), чего, заметим, еще не было в посольских инструкциях.

При сыновьях Алексея Михайловича, когда мы видим Тургенева то должностным лицом, то участником тяжбы, он зовется *Партимофей* или

*Портимофей*¹. В одном из этих текстов мы обнаруживаем даже некие сведения о его ближайшей генеалогии и семейном ономастиконе — летом 1684 г. Партимофей Тургенев, как уже упоминалось, возникает в некоем деле о даче на поруки в явке на срок к суду:

Паметь пристава. Дать ему на поруки великих государей Мастерские Полаты подъячего Прокофья Деревнина от *Партимофья Тургенева* по двум выданным роспискам его Прокофьевы руки во штидесять в восьми рублех по челобитной к суду. А приставную паметь писалъ, по приказу отца своего *Партимофья Петровича Тургенева*, сынъ его Михайло Тургеневъ [АЮ, 1, 582–584, № 89]².

Самое существенное, однако, что ни одного из приведенных вариантов его собственного именованья (*Партимофей*, *Портимофей*, *Партумофей*, *Партамфей*, *Портимефей*, *Портимифей*) нет в святцах. При этом, судя по всему, оно воспринимается как христианское, во всяком случае все сотоварищи нашего Партимофея по посольству к шаху фигурируют под своими календарными именами, и у нас нет решительно никаких оснований полагать, что для Тургенева было сделано исключение³.

Что же это за антропонимическая диковина — *Партимофей* — и откуда она могла взяться?

Ответ на этот вопрос, как нам кажется, вполне существует, сложность скорее заключается в том, что таких ответов может быть более чем один. Антропоним *Партимофей* не только уникален сам по себе, но попадает в своеобразную нишу раритетов в системе русского средневекового имянаречения. Говоря точнее, это имя могло быть дано сыну Петра Тургенева по одной из довольно нестандартных моделей выбора и порождения имени. О какой же системе и каких моделях здесь следует говорить?

¹ Ср. выписи из книги записной приходной Приказа холопьяго суда от 20 ноября 1687 г.: «...а что, будучи в судѣ, они истцы положили поступную запись *Партимофья Тургенева* да отпускную тогожъ вышеписанного своего дяди Ивана Палицына, а во иноцехъ Якова, а въ той поступной написано: “поступился онъ *Партимофѣй* истцомъ бѣглыхъ своихъ крѣпосныхъ людей Данилку да Ганку Оилкиныхъ дѣтей съ женами и съ дѣтми” <...> да и потому что *Портимовѣю Тургеневу* по чему тѣ люди крѣпки, которыми онъ истцомъ поступился, того въ той своей поступной записи имъ истцомъ ненаписалъ и того невѣдомо, а въ судѣ они истцы правились тою отпускною, будто поступился онъ *Портимовѣй* противъ той отпускной, а у той отпускной приложена рука постороннего челоѣка, а не отца духовного рука, и тому и вѣрить же стало нечему <...> хотяжь въ той поступной *Портимовѣй* того челоѣка Ганку Данилова имъ истцомъ и имянно написалъ, такх-же-бъ и въ отпускной, которую они истцы дяди своего положили, онъ Ганка подлинножь написанъ былъ...» [АЮ, 1, 25–26, № 15].

² Далее в документе интересующий нас истец последовательно показан как «Портимовѣй Тургенев» или «Портифѣй Петровъ сын Тургеневъ». В исторических трудах, посвященных уголовному производству в допетровской Руси, этот документ иногда приводится как свидетельство того, что так называемые приставные памяти могли составляться частными лицами, а не дьяками, и подаваться в суд совместно с челобитными [см., например: Ланге, 1884, 178].

³ Подробнее об именах, фигурирующих в этом документе, см. ниже.

Человек, родившийся на Руси в XVII в., мог с самого детства обладать довольно разнообразным набором индивидуальных антропонимов. Обязательным среди них был только один — нарекаемое при крещении имя, почерпнутое из церковного календаря. В целом ряде случаев им дело и ограничивалось, всю жизнь человек оставался одноименным, разве что ему случалось принять монашеский постриг и приобрести в иночестве еще одно, а то и два календарных именованья. Однако вполне распространены были и другие антропонимические сценарии, когда у одного и того же лица могло оказаться два, три, а то и четыре антропонима одновременно. Еще жива и актуальна в эту эпоху была так называемая классическая двуименность, когда в обиходе, да и во вполне официальных ситуациях, человек назывался именем, отсутствующим в святцах, некалендарным, нехристианским, а его крестильное имя появлялось лишь в особых, связанных с его церковной жизнью, ситуативных контекстах⁴. С другой стороны, существовала и двуименность иного типа — собственно христианская. В таком случае одно из имен человека было непосредственно связано с датой его появления на свет, тогда как другое выбиралось обыкновенно по семейно-родовым соображениям⁵. Таким образом, в интересующем нас казусе *Партимофея* необходимо понять, с чем мы, собственно, имеем дело — с одним или двумя именами и о каком имени / именах в данном случае идет речь.

В составе этого странного антропонимического образования современники зачастую оставляют нетронутым и ясно вычленимым элемент *-timoфей*⁶, недвусмысленно отсылающий к весьма распространенному и легко опознаваемому христианскому имени. Не является ли в таком случае именование Тургенева сочетанием двух имен — *Тимофей* и некоего другого?

Вообще говоря, нормальному функционированию русской двуименности, будь то двуименность классического типа или двуименность христианская, такое склеивание в целом не свойственно. Напротив, в системе русской полиномии имена, данные одному и тому же человеку, находились обычно в состоянии функциональной дистрибуции. Попросту говоря, они не так часто употреблялись все вместе — в каждом акте взаимодействия, а соответственно и в каждом письменном источнике, использовалось такое из имен, которое представлялось

⁴Примеры такого рода общеизвестны, ср., в частности: «Истома, Васильев сын, а крестное имя Лаврентей» [Яковлев, 2, 273, л. 158 об.], «Тимошка, прозвище Томилко» [Вахрамеев, 1896, 109], «А у Василя сын Каур, а молитвенное имя Петр» [Шабаев, 2019, 239, № 61, л. 79], «боярин и оружейничей Богдан Матвеевич, тезоименит Иов, Хитрово» [Рыбаков, 1987, 105] и т. д.

⁵Ср.: «У Елизарья Меншова сына дети: Тимофей — бездетен, Григорей, Аввакум — прозвище Федор» [Шабаев, 2019, 292–293, № 93], «Род костромитина Даниила по реклу Ивана Васильева» [Амерханова, Ермолаев, 2016, 164, л. 105], «... сь отцомь своимь сь Осташкою <т. е. Евстафием. — А. Л., Ф. У.>, а молитвенное имя Антошка» [Николев, Найденов, 1888, 81–82]. См. также далее, прим. 8.

⁶Впрочем, и здесь, как мы видели, возможны варианты — вплоть до *Партамufeй*.

наиболее подходящим для данной ситуации⁷. Если же по той или иной причине требовалось собрать все или часть чьих-либо имен воедино, то, как правило, для каждого из них тем или иным способом отмечался его статус⁸. С простым же перечислением кряду всех именованных одного лица на Руси, в отличие от целого ряда ономастических традиций, мы сталкиваемся довольно редко. Соответственно, срастание, склеивание нескольких имен для местной традиции имянаречения совсем не характерно. Однако эта атипичность не делает такой процесс склеивания полностью невозможным.

Существует некоторое количество случаев, выбивающихся из обрисованной нами схемы, которые, будучи весьма яркими и любопытными сами по себе, интересны еще и благодаря тому специфическому месту, которое они занимают в системе именования людей на Руси. Более того, можно проследить вполне определенную модель, по которой это конструирование антропонима производилось. Так, в источниках время от времени можно встретить несколько экзотическое, но отнюдь не самое раритетное имя *Провотор*, или *Провоторх*. Его обладателями могли быть люди, жившие в разное время и не имеющие друг к другу непосредственного отношения, что позволяет говорить о нем как об устойчивом самостоятельном антропониме. Носители этого имени могут принадлежать к разным социальным стратам — ср., например, упоминания бобыля «Завьялко, прозвище *Провоторшко* Ивановъ» (1628–1629) [Иоанн (Колоколов), 1900, 27], *Провоторха* Кашинцева (из суздальских детей боярских, 1612 г.) [Антонов, Маштафаров, 2019, 386, № 415] или крестьянского старосты Молчана *Провоторхова* (1592) [Веселовский, 1915, 50, № 50]. «Реальность» этого именования усугубляет и успешно существующая до наших дней фамилия *Провоторовы*, и более редкая *Провоторховы*.

Эпитет «прозвище» убеждает нас в том, что имя *Провотор* могло употребляться в качестве публичного. Что же касается способности даваться в крещении,

⁷ Так, государев дьяк грозненского времени, Иван Елезарович Цыплятьев, в десятках составленных им документов фигурирует под своим публичным именем *Иван*, а в синодике назван крестильным именем *Елевферий* [Литвина, Успенский, 2018]. Княгиня Куракина (урожд. Туренина, † 1625) в синодике и в записях о поминальных вкладых по ней, сделанных ее родичами, последовательно именуется *Гликерией*, тогда как в писцовых книгах и других светских документах она показана как *Алена* (*Елена*). Семен Гордый начинает свое завещание словами «се азъ, худый грѣшный рабъ б(о)жий *Созонть*» [ДДГ, 13, № 3], используя в этом тексте крестильное, а не публичное княжеское имя [см. подробнее: Литвина, Успенский, 2020, 45–89].

⁸ Приведем лишь несколько почти наугад выбранных из нашего корпуса примеров, где особенно отчетливо видны разные способы указания на статус антропонимов: «...преставися рабъ Божій князь Василій Васильевичъ, молитвенное имя Кононь, Сицкой» [Ювеналий (Воейков), 1802, 29, № 13]; «...дал вкладу Кондрагей, прозвище Василей, Иванович Нагой по родителех своих» [Рыбаков, 1987, 71, л. 235 об.–236 об.]; «преставися Оуліяна Петрова дочь Ёдемского пореклому Парасковья...» [Яцимирский, 2, 224]; «...прислали в монастырь на Симаново погresti тело брата своего Володимера Василивича Головина, а крестное ему имя Елиазар» [Алексеев, 2006, 39]; «Гришка Марковъ, а прямое имя ему Мануилко» [Сиверс, 1912, 5].

то она представляется более чем вероятной: *Провотор(х)* попадает в синодики [см., например: Шаблова, 2017, 82, л. 86 об.], а этот тип коммеморативного источника отдает явное предпочтение крестильным именам поминаемых, но, к несчастью для исследователя, здесь спорадически могут появляться и имена некрестильные.

Существенно, однако, что, как и в случае с *Партимофеем*, никакого имени *Провотор* или *Провотарх* (*Провоторх*) мы в святцах не обнаруживаем. Вместе с тем месяцесловная природа этого антропонима неожиданным образом не вызывает никаких сомнений. Со всей очевидностью имя *Провотор* (*Провотарх*, *Провторх*) образовано путем своеобразного склеивания имен сомучеников киликийских *Прова* и *Тарха* (*Тараха*), память которых отмечается 12 октября, а имена в календарном перечислении вполне ожидаемо следуют друг за другом.

На первый взгляд может показаться, что слияние этих имен в единый антропоним — всего лишь результат ошибки, неумения адекватно прочесть то, что записано в святцах. Действительно, можно обнаружить тексты (по крайней мере, один), где имена святых *Прова*, *Тарха* и *Андроника* представлены как два, а не три антропонима в подписи к изображению двух, а не трех фигур⁹, т. е. свв. Пров и Тарх ошибочно репрезентируются как одно лицо. Однако в целом дело с этим гибридным антропонимическим образованием обстоит сложнее и любопытнее. В большинстве месяцесловных памятников никакого ошибочного слияния на этом месте нет, и, что еще более существенно, каждое из этих имен может беспрепятственно и благополучно функционировать и само по себе. В XV–XVII вв. мы вполне встречаем в источниках как носителей имени *Пров*, так и обладателей имени *Тарх*, при этом у конкретного человека такое имя может быть единственным, а может становиться элементом мирской христианской двуименности¹⁰. Назвать эти имена распространенными трудно, но и сверхраритетными они также не были. По самым приблизительным оценкам, имя *Провотор* (*Провотарх*, *Провоторх*) не уступает, но и не превосходит по частотности любое из них. Так или иначе, это именование воспринималось как нечто единое, но при этом самый принцип его образования демонстрирует определенную связь с практикой русской христианской двуименности.

⁹ По наблюдениям Б. А. Успенского [1969, 203] (со ссылкой на Н. Н. Розова), в Углицкой лицевой псалтири 1485 г. на л. 147 об. изображены две фигуры, подписанные как «Протархъ и Андрони*». Н. Н. Розов [1970, 232], в свою очередь, считал (со ссылкой на Л. П. Жуковскую), что «здесь, возможно, просто отразилось озвучение “сра” в конце имени “Провъ” и два рядом стоящих слова слились буквой “о” в одно».

¹⁰ Ср., например: «А у пятова Семенова сына у Степана дети: Василей да Степан — прозвище Одолей, да Григорей, да *Пров* — прозвище *Василей*, да Осип <...> А у четвертова Степанова сына у *Прова* прозвище у *Василья* дети: Иван Большой — в стольниках, да Иван Меньшой» [Шабаев, 2019, 306, № 103] или «От Терентья Яныша — *Викула* прозвище *Тарх* <...> И от *Викулы Тарха* сын *Дмитрей*» [Шабаев, 2017, 195].

Как мы отчасти упоминали выше, самый феномен этой практики связан с благочестивой традицией нарекать ребенка в честь одного из тех святых, чья память непосредственно связана с датой его появления на свет. При этом нередко случалось так, что на соответствующий день выпадали имена, непривычные или неподходящие для семьи нарекаемого. В таком случае ребенку могли дать второе христианское имя, более приемлемое по родовым соображениям, причем чаще всего празднование святому покровителю по этому второму именованию тоже не слишком далеко отстояло от дня рождения. Иначе говоря, в большинстве случаев оба христианских имени подбирались по календарю, только одно — вполне жестко, а другое — куда более гибко¹¹.

При этом, как уже говорилось, общая система имянаречения на Руси всегда была такова, что христианин мог получить и всего лишь одно календарное имя. В самом деле, строгая ориентация на дату рождения при наречении была отнюдь не обязательной. Всегда оставалась возможность попросту подобрать единственное и вместе с тем устраивающее семью христианское имя гибким образом, в широких календарных окрестностях этой даты, а то и отказаться от идеи календарной приуроченности вовсе. Кроме того, даже если предполагалось со всей строгостью и определенностью связать подбор имени с днем рождения ребенка, на эту дату вполне могло приходиться некое удачное и/или распространенное именование, ничем не противоречащее предпочтениям семьи и рода¹². В таком случае второго христианского имени нарекаемому как будто бы и не требовалось вовсе.

Любопытно, однако, что со временем христианская двуименность начинает, по-видимому, восприниматься не просто как компромисс между стремлением к календарной приуроченности и ономастической программой рода, а как нечто желательное само по себе, как благочестивая возможность наделить ребенка сразу двумя личными святыми покровителями. В такой перспективе оказываются возможными несколько сценариев. Можно было дать имена сразу двух святых, чья память связана с днем рождения, одно — подходящее по родовым соображениям, которому чаще всего предстояло стать публичным, а другое — не столь привычное для рода, как бы индивидуализирующее его носителя. Такой

¹¹ Так, знаменитый князь Пожарский появился на свет 1 ноября [Вахрамеев, 1896, 21] и потому в крещении стал *Космою* (именно в этот день отмечается память свв. Космы и Дамиана). При этом куда более известен он под своим публичным именем *Дмитрий* (память Дмитрия Солунского приходится на 26 октября).

¹² Из трех известных нам братьев князей Татевых двуименным был только один — *Иван / Сергей* Борисович Татев. Другие же получили имена *Федор* и *Петр*, поскольку первый родился в день памяти Федора Сикота (22 апреля), а второй — в день памяти апостолов Петра и Павла (29 июня) [Шумаков, Шохин, 2002, 50, № 129].

обычай позволительно условно охарактеризовать как двуименность однодневную, и в источниках мы найдем довольно много случаев ее проявления¹³.

Обратим внимание, что коль скоро одно из имен ребенка принадлежит множеству святых и неоднократно встречается в месяцеслове под разными днями (таковы, например, весьма популярные *Иван*, *Федор* или *Василий*), то второе имя при таком способе наречения со всей определенностью маркирует, в честь кого именно из многочисленных свв. Иоаннов, Феодоров, Василиев и т. п. человек был некогда наречен.

С другой стороны, если речь шла о двух сомучениках или о святых, как-то иначе связанных друг с другом агиографически, бывало и так, что ребенку давали имя только одного из этих святых, но числили его покровителями обоих, например князей-мучеников Бориса и Глеба или врачей-безмездников Кира и Иоанна. Иной раз из-за недостатка сведений современному исследователю попросту невозможно разобраться, идет ли речь в конкретном случае о полноценной христианской двуименности или о патронате двух святых над земным тезкой одного из них. Очевидным образом наша экзотическая модель порождения имени *Провотор(х)* (*Провотарх*) путем склеивания *Пров* + *Тарх* тесно примыкает к этой практике особого обращения с именами святых, чья память отмечается в один день, и всецело ею поддерживается.

Не могло ли интересующее нас *Партимофей* образоваться по этой же редкой модели, объединяющей имена «однодневных» святых? Такое представляется нам вполне возможным, тем более что кандидаты на подобное склеивание по принципу однодневной смежности в месяцесловной традиции обнаруживаются достаточно надежно. В самом деле, под 4 января, на Собор апостолов из 70, в месяцесловных перечнях регулярно встречаются рядом имена Тимона, Пармена и Тимофея. Имя третьего из них — апостола Тимофея — куда более на слуху, частотно в месяцеслове и в реальной практике имянаречения. С другой стороны, агиографически связаны между собой апостолы Тимон и Пармен — оба они принадлежат к числу тех семи дьяконов, которые были избраны непосредственно двенадцатью апостолами. Отдельное празднование им (Прохору и Никанору, Тимону и Пармену) совершалось 28 июля, известны парные изображения апостолов Тимона

¹³ Так, известен целый ряд лиц, которые были наречены во имя двух святых, празднуемых в один день. Упомянем лишь несколько эпизодов подобного однодневного имянаречения. Живший на рубеже XV и XVI в. судья Юрий Безобразов имел еще одно имя *Алипий* (память св. Алипия, столпника Адрианопольского, отмечается 26 ноября, тогда же, когда и собственно русский праздник Освящения церкви св. Георгия в Киеве). Далмат Головин Обобуров (из дмитровских детей боярских) в крещении носил имя *Исаакий* (память свв. Исаакия, Далмата и Фавста празднуется 3 августа), а супруг знаменитой боярыни Морозовой, Глеб Иванович, в крещении был *Борисом* (память свв. Бориса и Глеба приходится на 2 мая и 24 июля). Ради социального контраста здесь же можно упомянуть кабального холопа XVI в. Ивана Федорова сына по прозвищу *Кир* (память свв. Кира и Иоанна празднуется 31 января и 28 июля). Примеры такого рода легко можно было бы умножить.

и Пармена [Тренев, 1902, 65]¹⁴. Таким образом, интересующее нас *Партимофей* могло быть образовано по принципу аттракции имен однодневных святых, причем на процесс его оформления повлияла, с одной стороны, агиографическая парность имен *Пармен* и *Тимон*, с другой стороны — созвучность редкостного *Тимон* и популярного, широко распространенного *Тимофей*. Не исключено даже, что имя *Тимофей* кем-то воспринималось как «правильная», «полная» форма имени *Тимон*.

Предположение о том, что имя одного из представителей рода Тургеневых было произведено по модели, близкой к той, что в свое время дала жизнь более распространенному имени *Провотар(х)*, выглядит правдоподобнее потому, что и самое имя *Провотар(х)* встречается у Тургеневых в конце 1620-х гг. — так звался воротынский городской дворянин Провотарх (Правотарх) Григорьевич Тургенев¹⁵. Роль образцов в семейной практике выбора имени трудно переоценить: сколь бы экзотическим ни был антропоним, коль скоро ему единожды удастся попасть в родовой ономастический круговорот, он охотно делается не только объектом прямого повтора, но и основой для варьирования, моделирования, конструирования по подобию. Иначе говоря, модель сращения *Пров* + *Тарх*, порождающая антропоним *Провотарх* (с вариантом *Провотор*, где имя *Тарх* опознается уже не так легко), могла лечь в основу сращения *Пармен* + *Тимофей* (*Тимон*) и породить наш причудливый антропонимический гибрид *Партимофей* и его разнообразные варианты. Некоторая неопределенность, впрочем, возникает здесь из-за того, что мы не знаем степени близости семейной ветви Провотарха Григорьевича и Партимофея Петровича Тургеневых, ибо место последнего в генеалогии этого рода остается не определенным [ср.: Руммель, Голубцов, 2, 554, № 26]¹⁶.

Эта неопределенность в совокупности с некоторыми собственно ономастическими сложностями (такими, например, как утрата значительной части имени *Пармен* в процессе предполагаемой склейки), а заодно и с тем фактом, что имя *Партимофей* (*Портимоефей*) куда хуже, чем *Провотар(х)*, закреплено в общей

¹⁴ Д. К. Тренев ошибочно определяет фигуры на дробницах оклада иконы Смоленской Богоматери из Новодевичьего монастыря как апостолов Тимофея и Пармена, а не как Тимона и Пармена, хотя соответствующая дробница расположена рядом с изображением апостолов Прохора и Никанора и имеет надпись «оагіѡс апсль *тимо* оагіѡс апсль *пармен*» [Тренев, 1902, 65, № 8, 9].

¹⁵ Судя по всему, Провотарх был сыном Григория Михайловича Тургенева, служившего письменным головой в Ливнах (1595) и головой в Чернигове (1598) [Руммель, Голубцов, 2, 538, № 21, 40]. В синодике Воротынского Спасского что на Усть-Угры монастыря был записан «родъ Провотарха Тургенева» [Леонид (Кавелин), 1863, 106], однако ономастическое наполнение этой главы в синодике остается нам, к сожалению, неизвестным. О Провотархе Тургеневе см. также [Иванов, 1853, 421].

¹⁶ Здесь интересующее нас лицо указано как «Тимофей Петрович, дворянин московский (1692)», причем оно отнесено к группе тех представителей рода Тургеневых, что не вошли ни в одну родословную роспись. В указателе фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах из Московского архива Министерства юстиции, Тургенев представлен как «Пор'-Тимофей» [Иванов, 1853, 421].

традиции имянаречения, заставляет задуматься, не могло ли оно быть порождено каким-то иным путем, не имеющим отношения к совместному почитанию святых, чья память праздновалась в один день. Здесь нам необходимо сказать несколько слов об антропонимической стратегии тех ранних Романовых, при которых нашему Партимофею Тургеневу пришлось подвизаться.

Как уже говорилось, христианская двуименность в эту эпоху представлена весьма изобильно, а имея под рукой столь великое (по сравнению с предыдущими веками) множество источников, откуда могут быть почерпнуты сведения о ее носителях, трудно говорить об упадке или угасании этой практики. Тем не менее, несмотря на столь обширную ее репрезентацию в документах, близость заката этой традиции уже явственно ощущается. Прежде всего, налицо отсутствие вторых христианских имен у самих представителей правящего дома. До того как сделаться династией, они пользовались ею так же охотно, как и множество их современников, однако ни у Михаила Романова, ни у его многочисленных детей и внуков вторых христианских имен уже не было. Тот факт, что царская семья перестала нуждаться в каких бы то ни было именах, кроме крестильных, безусловно, задавал некий образец для ее окружения, а в дальнейшем такая тенденция имела все шансы постепенно и неуклонно, как круги на воде, распространиться на все антропонимическое пространство Руси. Правда, даже элита вовсе необязательно ощущала возможность подхватить эту тенденцию незамедлительно — какое-то время она могла восприниматься как своего рода прерогатива правящего дома. Своеобразным каналом освоения всяческого рода инноваций в сфере антропонимики становились именованья свойственников правителя. Так, у тестя Петра I было два христианских имени — *Федор* и *Иларион* [ДР, 3, 1418], однако после свадьбы его дочери Евдокии с царем в 1689 г. публичное имя *Иларион* фактически перестает использоваться — ему как члену царской семьи для всех коммуникативных ситуаций становится достаточно крестильного *Федор*¹⁷.

Цари Алексей Михайлович и Федор Алексеевич не проводили сколько-нибудь последовательной политики борьбы с двуименностью среди своих подданных, при этом в их отношении к полиномии ощущается некая внимательная «остраненность» — они скорее воспринимали ее как проблему, а не как нечто естественное и само собой разумеющееся. В своем окружении эти государи склонны были расширять сферу употребления имен крестильных. Так, крестильные имена выводятся на первый план (хотя и не вполне последовательно) в ситуации военной кампании, нахождения на чужбине, в нехристианской или неправославной среде, даже если речь идет о документах сугубо светских, где прежде употреблялись как раз имена публичные. По всей видимости, предполагалось, что за таких людей, подвергающихся особой опасности, следует молиться с особым усердием всякий раз, когда они будут упомянуты, а стало быть, благочестивее всякий раз

¹⁷ Анализ этого казуса см. подробнее в работе [Литвина, Успенский, *в печати*].

актуализировать их молитвенное (крестильное) имя. В этом отношении весьма выразительно послание Алексея Михайловича князю Долгорукому, находящемуся в Виленском походе. В начале текста царь обращается к нему как к *Юрию Алексеевичу*, используя его публичное христианское имя. При этом письмо снабжается специальной припиской, сделанной в формате, так сказать, прямого репортажа, демонстрирующего, что государь пишет ее непосредственно во время праздничного богослужения, вознося молитву за свое воинство. Ожидаемым образом в этой приписке Долгорукий именуется крестильным именем *Софония* в обычном для Руси того времени варианте — *Софоний*¹⁸.

Не менее интересен в этом отношении и указ Федора Алексеевича от 1677 г., упоминающий одного из представителей дьяческого рода Чистых, где прямо говорится, что того следует именовать не привычным нехристианским именем *Алмаз*, но крестильным *Матфей*, именно потому что он становится участником военного предприятия: «указано ево писать и ему писаца Матвеем, для того, что велено ему быть в государевом вязниковском походе» [РГАДА, ф. 210, кн. 9, л. 349 об.]. В дальнейшем, согласно наблюдениям Г. А. Ивановой, анализировавшей этот и другие документы, «в боярских книгах и списках его именуют “Матвеем”, а в частных актах — все равно “Алмазом”» [Иванова, 2008, 156].

Вообще говоря, уже при Алексее Михайловиче проявляется тенденция, согласно которой все мирские именованья, кроме крестильного, христианские и нехристианские, следует воспринимать не как имя, а как нечто второстепенное и подчас не вполне уместное. Еще очень далеко до их полной маргинализации, однако уже делаются первые шаги к вытеснению всего этого многоголосия и разнообразия. К концу столетия крестильные имена носителей христианской двуименности еще чаще проникают туда, где до той поры им не было ходу, например в различные деловые документы, не имеющие никакого отношения к церковной жизни человека.

В этой перспективе очень выразителен казус стольника Андрея / Авдия Савелова (племянника патриарха Иоакима и младшего современника нашего Партимофея Тургенева), который чрезвычайно активно пользуется своим крестильным именем *Авдий* — оно появляется в его собственноручных подписях на документах и в челобитных [Савелов, 1/1, 3, 12], под ним он фигурирует

¹⁸ Ср. начальную часть письма, финальную приписку и писцовую помету к нему же: «Какъ къ тебѣ ся наша великого государю грамота придетъ, и ты бѣ, бояринъ нашъ и воевода, князь *Юрій Алексѣвичъ*, помня Бога и нашу государскую... къ себѣ милость, надъ Полскими людьми промышлялъ <...> *Рабе Божій Софоній*, дерзай о имени Божіи и за помощію Пресвятые Богородицы Честнаго Ея Покрова и за поспешеніемъ великого и грознаго воеводы Архангела Михаила и Чюдотворца милостиваго архіерея Николы Мирьлікійскаго. Се уже есть время приближилось. Писана сія припись на всеношномъ у Пресвятяы Богородицы Честнаго Ея Покрова, во время, егда воспѣли первый припѣвъ <...> Писано въ церкви Честнаго и Славнаго Ея Покрова съ переводу вѣрнаго ея слуги и съ ставы закрѣпа послано зъ Денисомъ Остафьевымъ ко князю *Юрью Алексѣвичю Долгоруко* въ Вилну» [Ламанский, 1861, 758, 760, 761].

в родословных росписях и боярских книгах [Савелов, 2, 12, 98; Дионисий, 1892, 251, № XXXIII; Савелов, 1904, 49, № IV, 51, № 17]. При этом по соседству с такой родословной росписью, внесенной в дворцовые разряды, может появиться и его публичное имя — *Андрей* [ДР, 4, 107]. Как *Андрей* он фигурирует и в Казенной книге Патриаршего приказа [Успенский, 1917, 143, л. 76]. Характерно, однако, что его визит к патриарху 19 ноября 1691 г. (уже не к Иоакиму, а к его преемнику Адриану) связан с тем, что он, согласно обычаю, приносит именинный пирог на память пророка Авдия, своего патронального святого по крестильному имени. Подобная практика перемежающегося употребления крестильного и некрестильного имен в функционально сходных источниках в целом совсем не характерна для русской традиции светской христианской двуименности и свидетельствует о ее приближающемся распаде¹⁹.

Одним из следствий этой тенденции к «опубличиванию» крестильных имен является то обстоятельство, что в пространстве официальных и сугубо светских документов получают доступ имена более редкие и экзотические, прежде для такого рода источников непривычные. В самом деле, если сравнивать публичные и крестильные имена носителей христианской двуименности, то трудно не обратить внимание, что круг первых в целом куда более ограничен, чем набор вторых. Это неудивительно: крестильным может стать любое имя из церковного календаря, а семейные, родовые имена, становящиеся публичными, тяготеют к повтору, потому их состав более однообразен. Условно говоря, в документах очень часто можно встретить имена *Иван, Василий, Федор, Дмитрий, Андрей, Борис, Григорий, Юрий* и т. д., притом что в крещении эти люди носили имена *Феопемпт, Софония, Авксентий, Мемнон, Авдий, Виктор, Каллиник, Иннокентий* и т. п. Разумеется, подобное соотношение крестильных имен с редкостными, а публичных — с популярными весьма существенно огрубляет реальную картину выбора имени в рамках традиции светской христианской двуименности. Строго говоря, у любого имени из месяцеслова есть шанс сделаться как публичным, так и крестильным. Однако эти шансы все же, конечно, не равны: такое имя, как *Феопемпт*, с большей вероятностью окажется крестильным, а *Федор* — публичным.

При этом начиная со времен Алексея Михайловича мы можем наблюдать такую ситуацию, когда в пределах одного светского документа скапливается изрядное количество имен столь редких, что прежде встретить их все вместе можно было разве что в каких-нибудь поминальных списках, где традиционно присутствуют крестильные, «прямые» имена людей. Естественно предположить,

¹⁹ Помимо всего прочего, для позднейших генеалогов и исследователей эта ситуация равноправного появления в светских публичных документах то крестильного, то собственно публичного имени ведет к тому, что обладателей этих антропонимов трудно идентифицировать правильно — создается впечатление, как это было с Андреем / Авдием Савеловым до настоящего времени, что речь идет о двух разных людях или о неправильном написании имени в документе [ср., например: Савелов, 1895, 30–31, № 47].

что и при составлении такого рода нецерковного документа по каким-либо причинам предпочтение также было отдано именам крестильным. Едва ли не лучшей иллюстрацией, позволяющей продемонстрировать, что мы имеем в виду, является уже цитировавшийся выше список «птичников», отправленных в посольство к шаху Аббасу. Напомним, что это самый ранний письменный источник, в котором фиксируется имя нашего Партимофея Тургенева:

Пароеней Тоболинъ, Иванъ Ярышкинъ, Андрѣй Кельинъ, Семень Отдавлетовъ, Дориментъ Даниловъ, Каріонъ Исаевъ, Кирило Мословъ, Романъ Чернцовъ, Власть Лабутинь, Портимеѳей Тургеневъ, Рамиль Рамейковъ, Сидоръ Кѣльинъ, Кузма Карповъ, Тимолай Поляниновъ, Семень Ляховъ, Устинъ Нѣмчиновъ [Ламанский, 1861, 364].

Нетрудно убедиться, что здесь нет ни одного нехристианского имени, зато обнаруживается целый ряд «экзотических» имен из месяцеслова: *Доримент*, *Карион*, *Рамил* и *Тимолай*. Напрашивается предположение, что по крайней мере у части этих людей могли быть и вторые, более распространенные имена, но в посольские инструкции они были занесены под именами крестильными. Мотивация такого выбора достаточно очевидна — им предстояло долгое время находиться в басурманских землях, а потому за них следовало молиться особенно усердно и, соответственно, их христианские имена делались особенно значимыми (как значимы были имена *Софония* для Юрия / Софонии Долгорукого или *Матфей* для Алмаза / Матфея Чистого во время военных походов).

Именам *Карион* и *Тимолай* в известном смысле повезло — они фигурируют в документе практически в той же форме, что и в святцах; имя *Рамил* демонстрирует лишь незначительную и вполне стандартную вариативность в написании *а* и *о* (результат московского аканья?). Что же касается имени *Доримент*, то это, со всей очевидностью, без труда опознаваемая трансформация месяцесловного *Доримедонт*. Не может ли в таком случае и за формой *Портимеѳей* скрываться какое-то еще более существенно перестроенное «экзотическое» имя из церковного календаря?

Здесь уместно напомнить о том, что многие христианские имена на Руси в обиходе писались (а по всей видимости, и произносились) не так, как они обычно представлены в месяцесловных источниках. Если говорить об антропонимах частотных, то для них сложились устойчивые местные формы (ср., например, *Авдотья* при месяцесловном *Евдокия* или *Лукерья* из *Гликерия*), история которых иной раз связана с домонгольской древностью (ср. *Юрий* из *Георгий*), а иногда восходит к более старым разговорным формам, принятым еще в Византии (ср. *Климент* и *Клим*)²⁰. «Экзотические» же имена по понятным причинам таких

²⁰ Число таких примеров без труда можно умножить, причем здесь правомерно говорить как об общих закономерностях, так и об индивидуальной истории каждого антропонимического случая. Некоторым из этих случаев посвящены специальные работы, другие еще ждут своего ис-

устойчивых собственно русских изводов зачастую не имели и, соответственно, либо оставались неизменными, либо подвергались более или менее окказиональной трансформации, которая могла выглядеть странной именно в силу своей нерегулярности.

В случае с *Партимофеем* можно предложить и месяцесловный прототип для такого рода преобразования — это не что иное, как имя *Патермуфий*. Святых, обладающих таким именованием, по крайней мере двое: память Патермуфия, одного из 156 мучеников при императоре Максимиане, празднуется 17 сентября, память же мучеников египетских Патермуфия, Коприя и Александра отмечается 9 июля.

Казалось бы, сходство имен *Патермуфий* и *Партимофей* достаточно велико, и второе вполне могло бы быть чем-то вроде адаптированного, обиходного варианта первого. Существенно, однако, что о функционировании имени *Патермуфий* на русской почве говорить крайне затруднительно: в сколько-нибудь неизменном виде в источниках мы его практически не встречаем за исключением одного-единственного примера, который удалось найти в синодике XV в. из Кирилло-Белозерского монастыря, где обнаруживается упоминание некоего «Патермоуфъа», мирянина, возможно принадлежавшего к роду Алексея Полуектова (РГАДА, ф. 181, № 539, л. 43 об.)²¹. Ю. Г. Малковым [1993, 44, прим. 34] было вскользь высказано предположение, что довольно редкая, но все же попадающаяся в текстах форма *Тернуфий* восходит именно к интересующему нас *Патермуфий*. *Тернуфиями* чаще именовались монахи, но изредка мы обнаруживаем его и у людей, пострига вроде бы не принимавших²². С другой стороны, никаких фактов и доводов, подтверждающих существование связи между *Тернуфий* и *Патермуфий*, в распоряжении исследователей не имеется, с равным успехом форма *Тернуфий* могла быть образована и от другого календарного имени, к примеру *Фармуфий* [ср.: Успенский, Успенский, 2017, 213, прим. 17]²³.

Иначе говоря, предположение о том, что сокольник Тургенев был наречен в честь одного из свв. Патермуфиев выглядит вполне реалистично, но не превосходит в убедительности предшествующую версию, согласно которой в его имени

следователя, но в рамках данной статьи мы намеренно воздерживаемся от обсуждения как тех, так и других. Упомянем лишь, что собственно русские антропонимические формы следует отличать от гипокористических (уменьшительных) образований, хотя строгую границу между теми и другими провести не всегда возможно. Существенно также, что местные формы крестильных имен, такие как *Алена*, *Арина*, *Митрий*, *Ларион*, *Акинфий* (вместо *Елена*, *Ирина*, *Дмитрий*, *Иларион*, *Иакинф*), нередко берутся за основу при выборе монашеского имени по созвучию, их обладатели могли получить при постриге, например, имена *Анна*, *Александра*, *Митрофан*, *Леонтий*, *Анфим*.

²¹ Авторы признательны С. Ю. Шокареву за указание на этот пример.

²² Так, в расходной книге Успенского Тихвинского монастыря под 1592 г. фигурирует дьякон Тернуфий, псковитин, который получал «жилое», т. е. был наемным бельцом, периодически приглашавшимся для участия в церковной службе [Абеленцева, 2019, 52].

²³ Память преподобного Фармуфия Египетского празднуется один раз в году — 11 апреля.

слились имена двух (а то и трех!) апостолов — Пармена, Тимофея (и Тимона), чья память празднуется в один день.

С чем же мы в таком случае остаемся?

Следует полагать, что у Тургенева было редкостное крестильное имя, которое в силу его приближенности ко двору Алексея Михайловича закрепилось в документах и пошло в ход в качестве официального, публичного именованья. Загадочность этого казуса усугубляется тем, что у него, возможно, имелось и еще одно имя, христианское или нехристианское, и он, подобно *Андрею / Авдию* или *Алмазу / Матфею*, назывался в документах то так, то эдак. Однако даже если это допущение верно, на сегодняшний день у нас нет данных, позволяющих, так сказать, совместить Партимофея Петровича Тургенева и его потенциальное *alter ego* в письменных источниках.

Существование двух равновероятных гипотез относительно имени *Партимофей* порождено не какой-то исследовательской нерешительностью, а спецификой того переходного этапа, который система русского имянаречения переживала при ранних Романовых, когда на первый план выходили решения, к которым самая традиция еще не приспособилась. Быть может, устойчивое употребление этого имени у отдельного человека как раз и поддерживалось тем, что у записывающих его лиц могло складываться сразу несколько неопределенных ассоциаций с чем-то экзотическим, но возможным. В ту пору составители светских документов вдруг столкнулись с необходимостью заносить в текст непривычные, прежде чуждые мирской повседневности имена, и форма *Партимофей* оказалась причудливым результатом освоения неосвоенного. Таким образом, самый этот антропоним при всей его странности позволительно воспринимать как своего рода воплощение переломной эпохи.

Источники

- Алексеев, 2006 — Вкладная и Кормовая книга Московского Симонова монастыря / подгот. текста, вступ. ст., сост. коммент. и словаря терминов А. И. Алексеев ; сост. именного указателя А. И. Алексеев, А. В. Маштафаров // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 5–184.
- Амерханова, Ермолаев, 2016 — Синодики Свяжского Успенского Богородицкого монастыря / сост., авт. предисл. Э. И. Амерханова ; науч. ред. И. П. Ермолаев. Казань : Трехречье, 2016.
- Антонов, Маштафаров, 2019 — Акты Покровского суздальского девичьего монастыря XVI — начала XVII века / сост. А. В. Антонов, А. В. Маштафаров. М. : Фонд «Связь Эпох», 2019.
- АЮ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России : в 3 т. / под. ред. Н. Калачова. СПб. : Изд. Археогр. комис., 1857–1884.
- Буганов, Савич, 1976 — Восстание в Москве 1682 г. : сб. документов / отв. ред. В. И. Буганов ; сост. Н. Г. Савич. М. : Наука, 1976.
- Вахрамеев, 1896 — Исторические акты Ярославского Спасского монастыря / изд. И. А. Вахрамеевым. Т. 3 : Выписи из писцовых и переписных книг. Дополнение : Книга кормовая. М. : Синод. тип., 1896.
- Веселовский, 1915 — Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.) / сост. и ред. С. Б. Веселовский. М. : Изд. Имп. О-вом истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1915.

- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подгот. к печати Л. В. Черепнин ; отв. ред. С. В. Бахрушин. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950.
- Дионисий. Можайские акты, 1506–1775. СПб., 1892.
- ДР — Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. I–IV. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1850–1855.
- Иванов, 1853 — Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в I-м отделении Московского архива Министерства юстиции с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях / сост. П. Иванов. М. : Тип. С. Селивановского, 1853.
- Иоанн (Колоколов). Очерк истории села Капшина Калязинского уезда тверской епархии и существовавшего прежде на месте его Капшина Знаменского монастыря. Калязин : Тип. Н. И. Семиустова, 1900.
- Ламанский, 1861 — Записки Отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества. Т. 2 / ред. В. Ламанский. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1861.
- Леонид (Кавелин). Церковно-историческое описание упраздненных монастырей, находящихся в пределах Калужской епархии. М. : Унив. тип., 1863.
- Малков, 1993 — Летопись Псково-Печерского монастыря, или исторические сказания о Свято-Успенской Псково-Печерской обители и ее святых (с прибавлением Службы им в Неделю 4-ю по Пятидесятнице) / сост. Ю. Г. Малков. М. : Донской монастырь, 1993.
- Николев, Найденов, 1888 — Боровск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий / сост. И. Н. Николев, Н. А. Найденов. М. : Тип. М. Г. Волчанинова, 1888.
- Описание — Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции : в 20 кн. СПб. ; М. : Тип. Правительственного Сената, 1869–1921.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).
- Рыбаков, 1987 — Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева ; отв. ред. Б. А. Рыбаков. М. : Наука, 1987.
- Савелов Л. М. Материалы для истории рода дворян Савеловых (потомство новгородских бояр Савелковых). Т. 1, ч. 1–2. М. : Типо-лит. Т-во И. Н. Кушнерев и К^о, 1894–1898.
- Савелов Л. М. Род дворян Савеловых (Савелковы). М. : Типо-лит. Т-во И. Н. Кушнерев и К^о, 1895.
- Савелов Л. М. Род дворян Савеловых. М. : Печатня С. П. Яковлева, 1904.
- Сиверс А. А. Материалы к родословию Юрасовых // Летопись Историко-родословного общества в Москве. 1912. Год восьмой. Вып. 2 (30). С. 3–10.
- Шабаев, 2017 — Родословные росписи тверской аристократии конца XVII в. / публ. Л. Е. Шабаева // Российская генеалогия. 2017. Вып. 2. С. 176–280.
- Шабаев, 2019 — Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: выборное московское дворянство / публ. Л. Е. Шабаева // Российская генеалогия. 2019. Вып. 5. С. 138–402.
- Шумаков С. А. Сотницы (1554–1572 гг.), грамоты и записи (1628–1701 г.). Вып. 3. М. : Унив. тип., 1904.
- Шумаков С. [А.] Обзор «Грамот Коллегии Экономии». Вып. 5 : Материалы по Владимиру, Гороховцу, Мурому, Суздалью, Юрьев-Польскому и Вологде / сост. Л. И. Шохин. М. : Древлехранилище, 2002.
- Ювеналий (Воейков). Краткое историческое описание ставропигиального первоклассного Новоспасского монастыря, из разных исторических, церковных и гражданских, печатных и рукописных книг и документов, во время правления оным монастырем Иакинфа Карпинского собранное, и им рассмотренное и одобренное, любителям же древностей ныне на свет изданное. М. : [б. и.], 1802.
- Яковлев — Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов (1591–1596 и 1602–1603 гг.) / под ред. А. И. Яковлева : в 2 ч. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1938.
- Яцимирский А. П. Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Щукина : в 2 вып. М. : Изд. П. И. Щукина, 1896–1897.

Исследования

- Абеленцева О. А.* Локальное сообщество Успенского Тихвинского монастыря: Состав, численность, система оплаты и терминология записей об оплате труда (по материалам расходной книги 1590–1592 г.) // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2019. № 2 (76). С. 45–59.
- Иванова Г. А.* Указатели к публикациям и справочникам на документы XVI–XVII вв.: Проблемы русского средневекового именованослова // *Материалы XV Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков: к столетию со дня рождения П. А. Колесникова»* / отв. ред. М. Р. Рыженков. М. : Древлехранилище, 2008. С. 154–162.
- Кутепов Н. И.* Царская охота на Руси царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, XVII век. СПб. : Экспедиция загот. гос. бумаг, 1898.
- Ланге Н.* Древнее русское уголовное судопроизводство (XIV, XV, XVI и половины XVII веков). СПб. : Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1884.
- Лантеева Т. А.* Провинциальное дворянство в России в XVII веке. М. : Древлехранилище, 2010.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Как звали думного дьяка Ивана Елеазаровича Цыплятева? (Из истории имянаречения в XVI в.) // *Вертоград многоцветный : сб. к 80-летию Б. Н. Флори* / отв. ред. А. А. Турилов. М. : Индрик, 2018. С. 387–396.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* «Се яз раб Божий...» Многоименность как фактор и факт древнерусской культуры. СПб. : Евразия, 2020.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Браки царей Ивана и Петра Алексеевичей и русская многоименность на пороге Нового времени. *В печати*.
- Розов Н. Н.* О генеалогии русских лицевых псалтирей XIV–XVI веков // *Древнерусское искусство: Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV–XVI вв.* / отв. ред. О. И. Подобедова. М. : Наука, 1970. С. 226–257.
- Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий : в 2 т. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1886–1887.
- Трнев Д. К.* Иконостас Смоленского собора московского Новодевичьего монастыря: Образцовый русский иконостас XVI–XVII веков, с прибавлением краткой истории иконостаса с древнейших времен. [Б. м.], 1902.
- Успенский А. И.* Словарь патриарших иконописцев // *Записки Московского археологического института*. 1917. Т. 30.
- Успенский Б. А.* Из истории русских канонических имен (История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам) / отв. ред. О. С. Ахманова. М. : Изд-во МГУ, 1969.
- Успенский Б. А., Успенский Ф. Б.* Иноческие имена на Руси. СПб. : Нестор-История, 2017.
- Шаблова, 2017 — Новгородские синодики XIV–XVII веков / подгот. текста, исследование Т. И. Шабловой. СПб. : Алетей, 2017.

Рукопись поступила в редакцию 03.02.2021

* * *

Литвина Анна Феликсовна

кандидат филологических наук, ведущий
научный сотрудник Лаборатории
лингвосомиотических исследований, доцент
Школы филологии
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ)
105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4
E-mail: annalitvina@gmail.com

Успенский Федор Борисович

доктор филологических наук, член-
корреспондент РАН, главный научный
сотрудник Лаборатории медиевистических
исследований, профессор Школы
исторических наук
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ)
105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4
E-mail: fjodor.uspenskiy@gmail.com

Litvina, Anna Feliksovna

PhD, Leading Research Fellow
Laboratory for Linguosemiotic Research,
Associate Professor
School of Philology
National Research University Higher School
of Economics (NRU HSE)
21/4, Staraya Basmannaya St., 105066
Moscow, Russia
Email: annalitvina@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-2740-0904>

Uspenskij, Fjodor Borisovich

DrHab, Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences, Principal Research
Fellow
Laboratory of Medieval Studies,
Professor
School of Historical Sciences
National Research University Higher School
of Economics (NRU HSE)
21/4, Staraya Basmannaya St., 105066
Moscow, Russia
Email: fjodor.uspenskiy@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-5364-0173>

Anna F. Litvina
Fjodor B. Uspenskij

National Research University
Higher School of Economics (NRU HSE)
Moscow, Russia

PARTIMOFEY TURGENEV AND THE WEIRD NAME OF HIS

This paper dwells upon an uncommon precedent of choice and functioning of a name of a 17th century member of the Turgenev family. This individual case draws our attention to certain common processes of Russian onomastics evolution in the era of the first Romanov tsars and the early Petrine period. One can see how religious and cultural orientation of the monarchs first influences their immediate circle and then — the society as a whole. The name-choosing tradition reflects, to some extent, the dominant trends of that era, but remains an original phenomenon evolving in accordance with its own patterns. The paper focuses on exotic and/or deliberately constructed personal names that could have existed as monastic or baptismal names but rarely made their way into lay documents. Their emergence in everyday use attests to a general overhaul of polyonymy system where a single individual could have received up

to 4 or 5 personal names, both Christian and non-Christian, both lay and monastic, during their lifetime. Furthermore, the paper demonstrates that the name *Partimofey* (*Portimofey*) could have emerged under two different patterns. Moreover, the reason behind the two equally plausible hypotheses concerning this name is not some indecisiveness on part of the researchers, but rather the specifics of the transitional stage when the tradition itself had not yet adapted to the options brought to the foreground. Back then, the authors of lay documents were faced with a challenge of writing down unusual names, previously unknown to everyday life, and the form *Partimofey* was a bizarre outcome of domesticating the unknown.

К е у о r d s: onomastics, name-giving in pre-Petrine Rus', Medieval Russian polyonymy, dual naming of lay Christians, saints' cult, Church calendar, patron saints, Turgenev family.

Acknowledgements

The publication was prepared as part of the project “Ancient Rus' and the Petrine Epoch in Manuscripts: Commented Reading and Publishing” supported by the NRU Higher School of Economics Foundation for Human Sciences in 2021.

- Abelentseva, O. A. (2019). Lokal'noe soobshchestvo Uspenskogo Tikhvinskogo monastyrja: Sostav, chislennost', sistema oplaty i terminologija zapisei ob oplate truda (po materialam raskhodnoi knigi 1590–1592 g.) [Local Community of the Assumption Tikhvin Monastery: Composition, Number, System of Payment and Terminology of Records on Remuneration (based on the 1590–1592 Account Book)]. *Drevniaia Rus': Voprosy medievistiki*, 2(76), 45–59.
- Ivanova, G. A. (2008). Ukazateli k publikatsiiam i spravocnikam na dokumenty XVI–XVII vv.: Problemy russkogo srednevekovogo imenoslova [Indexes and Reference Books on Documents of the 16th–17th Centuries: Problems of the Russian Medieval Name-book]. In M. R. Ryzhenkov (Ed.), *Materialy XV Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii “Pistovye knigi i drugie massovyie istochniki XVI–XX vekov: k stoletiiu so dnia rozhdeniia P. A. Kolesnikova”* [Proceedings of the 15th All-Russian Conference “Cadastrers and Other Mass Sources of the 16th–20th Centuries: On the Centenary of the Birth of P. A. Kolesnikov”] (pp. 154–162). Moscow: Drevlekhranilishche.
- Kutepov, N. I. (1898). *Tsarskaia okhota na Rusi tsarei Mikhaila Fedorovicha i Alekseia Mikhailovicha, XVII vek* [The Royal Hunt in Russian Tsars Mikhail Fedorovich and Alexei Mikhailovich, 17th Century]. St Petersburg: Ekspeditsiia zagot. gos. bumag.
- Lange, N. (1884). *Drevnee russkoe ugovolnoe sudoproizvodstvo (XIV, XV, XVI i poloviny XVII vekov)* [Old Russian Criminal Legal Proceedings (14th–Early 17th Centuries)]. St Petersburg: Tip. i khromolit. A. Transhelia.
- Lapteva, T. A. (2010). *Provintsial'noe dvorianstvo v Rossii v XVII veke* [Provincial Nobility in Russia in the 17th Century]. Moscow: Drevlekhranilishche.
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2018). Kak zvali dumnogo d'iaka Ivana Eleazarovicha Tsypliateva? (Iz istorii imianarecheniia v XVI v.) [What Was the Name of the Duma Clerk Ivan Eleazarovich Tsypliatev? (From the History of the Naming in the 16th Century)]. In A. A. Turilov (Ed.), *Vertograd mnogotsvetnyi: sb. k 80-letiiu B. N. Flori* [A Collection of Works on the 80th Anniversary of Boris Florya] (pp. 387–396). Moscow: Indrik.
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2020). “Se yaz rab Bozhii...” *Mnogoimennost' kak faktor i fakt drevnerusskoi kul'tury* [Polyonymy as a Factor and Fact of the Old-Russian Culture]. St Petersburg: Evraziia.
- Litvina A. F., & Uspenskij, F. B. (In print). Braki tsarei Ivana i Petra Alekseevichei i russkaia mnogoimennost' na poroge Novogo vremeni [The Marriages of Tsars Ivan and Peter Alekseevich and the Russian Polyonymy on the Threshold of Modern Times].

- Rozov, N. N. (1970). O genealogii russkikh litseykh psaltirei XIV–XVI vekov [On the Genealogy of Russian Illuminated Psalters of the 14th–16th Centuries]. In O. I. Podobedova (Ed.), *Drevnerusskoe iskusstvo: Khudozhestvennaia kul'tura Moskvy i prilezhashchikh k nei kniazhestv. XIV–XVI vv.* [Old Russian Art: Artistic Culture of Moscow and Adjacent Principalities. 14th–16th Centuries]. (pp. 226–257). Moscow: Nauka.
- Rummel, V. V., & Golubtsov, V. V. (1886–1887). *Rodoslovnyi sbornik russkikh dvorianskikh familii* [Genealogical Collection of Russian Noble Families] (Vols. 1–2). St Petersburg: Tip. A. S. Suvorina.
- Shablova, T. I. (Ed.). (2017). *Novgorodskie sinodiki XIV–XVII vekov* [Novgorod Commemoration Books of the 14th–17th Centuries]. St Petersburg: Aleteiia.
- Trenv, D. K. (1902). *Ikonostas Smolenskogo sobora moskovskogo Novodevich'ego monastyria: Obraztsovyi russkii ikonostas XVI–XVII vekov, s pribavleniem kratkoi istorii ikonostasa s drevneishikh vremen* [The Iconostasis of the Smolensk Cathedral of the Moscow Novodevichy Convent: An Exemplary Russian Iconostasis of the 16th–17th Centuries, Supplemented with a Brief History of the Iconostasis from Ancient Times]. [S.l., s.n.].
- Uspensky, A. I. (1917). Slovar' patriarshikh ikonopistsev [A Dictionary of Patriarchal Icon Painters]. *Zapiski Moskovskogo arkheologicheskogo instituta*, 30.
- Uspenskij, B. A. (1969). *Iz istorii russkikh kanonicheskikh imen (Istoriia udarenii v kanonicheskikh imenakh sobstvennykh v ikh otnoshenii k russkim literaturnym i razgovornym formam)* [From the History of Russian Canonical Names (History of Word Stress in Canonical Proper Names in their Relation to Russian Literary and Colloquial Forms)]. Moscow: MGU Press.
- Uspenskij, B. A., & Uspenskij, F. B. (2017). *Inocheskie imena na Rusi* [Monastic Names in Russia]. St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Received on 3 February 2021